

О РОЛИ СЕМАНТИКИ В ПРЕПОДАВАНИИ И ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА

Г. А. Золотова

Институт русского языка РАН (Россия)

Resumen

En presente artículo se analiza el papel clave de la semántica en la enseñanza de la lengua rusa. A diferencia de las gramáticas tradicionales donde se describe de forma clara los esquemas del sujeto y del predicado in los diversos tipos de oraciones, nuestro modelo de gramática un nuevo enfoque en análisis del sujeto, del predicado y de los complementos en las oraciones. En nuestro trabajo también se presta atención también a la influencia del contexto en el significado del sujeto y del predicado y nuestras propuestas se ilustran con los numerosos ejemplos.

Palabras clave: semántica, enseñanza de la lengua rusa, contexto.

Abstract

En presente artículo se analiza el papel clave de la semántica en la enseñanza de la lengua rusa. A diferencia de las gramáticas tradicionales donde se describe de forma clara los esquemas del sujeto y del predicado in los diversos tipos de oraciones, nuestro modelo de gramática un nuevo enfoque en análisis del sujeto, del predicado y de los complementos en las oraciones. En nuestro trabajo también se presta atención también a la influencia del contexto en el significado del sujeto y del predicado y nuestras propuestas se ilustran con los numerosos ejemplos.

Palabras clave: semántica, enseñanza de la lengua rusa, contexto.

Чем системнее организован изучаемый материал, тем успешнее идет его освоение. Это общее, исходное условие известно и обучающим, и обучаемым. Вопрос в том - как и где искать наиболее адекватные, убедительные и результативные основания системы.

Трудность реализации этого условия проистекает как из необъятности языкового пространства, так и из прочно сложившейся и навязываемой языковому мышлению из поколения в поколение традиционной схемы школьного учебника.

Схема эта ориентирована главным образом на перечни морфологических форм слов и предложений. Даже представления о синтаксической структуре часто опираются на морфологические критерии (*Машу отличает любознательность*: - Кто, что? *любознательность* - подлежащее; Что делает? - *отличает* - сказуемое; - Кого, что? - *Машу* - дополнение и т.п. А ведь сообщается о лице и его предикативном признаке).

Человек создал язык, речь не только для того, чтобы радовать учителей четкими ответами, но главным образом для осмысленного общения.

О семантических критериях грамматических классификаций в учебных трудах почти не упоминается, в научных недостаточно.

Однако, логично полагать: если язык создан для выражения смысла, семантика должна быть основой его организации.

На самом деле она и служит опорой, основанием языкового устройства, но об этом в лингвистике мало говорилось. Само понятие семантики, становившееся популярным с середины прошлого века, до сих пор нередко употребляется как синоним лексического значения слова.

Прежде всего, на разграничении семантических категорий: строится система частей речи: существительными называются слова с *предметным* значением, глаголами - со значением *действия*, прилагательными - со значением *качества, свойства* и так далее. Естественно возражение: а *беготня* и *желтизна* - тоже предметы? а *белеть* и *выситься* - действия? и т. п. Сомнения справедливы, но для

системного устройства характерно соотношение центра и периферии: в центре располагаются “чистые” представители категории, на периферии происходит взаимодействие с соседней территорией: так, глаголы и прилагательные принимают морфологические признаки существительного (соответствующие суффиксы и систему склонения, причем часто неполную, без множественного числа), однако сохраняют свою акциональную либо качественную семантику, закрепленную и в терминах: отглагольные имена, или *девербативы*, отприлагательные - тяжеловатое слово, чаще - *деадъективы*. Синтаксические возможности таких производных слов разнообразнее: им свойственны позиции и признаков компонентов, и как бы предметных, подлежащего и дополнения, но это уже в осложненных структурах книжной, деловой речи. В своих научных текстах мы без них не обошлись бы. Таким образом язык обогащает свой состав и свои структурные ресурсы.

Соотношением семантических категорий организуется и строй предложения. Принципиальная структура предложения - его двусоставная основа: предмету (либо, как говорилось выше, “опредмеченному понятию”) приписывается предикативный признак. Предикативный - значит способный реализоваться в парадигмах времени, наклонения и -не всегда - лица (личная парадигма у одушевленного субъекта).

В представлениях о синтаксисе предложения скопились предрассудки, десятилетиями доверчиво переписываемые из учебника в учебник и внушаемые учащимся в школах и в вузах. Понимаю, что трудно отказываться от бездумно и прочно заученного. Но все-таки надо вдумываться.

Назначение и суть предложения как речевой единицы - в сообщении о признаке, существовании, изменении, наличии названного предмета. Возможны ли односоставные предложения? Думаю, что нет, это противоречило бы природе предложения. Полагать, что *Зима, Снег, Тоска*, - односоставные предложения, состоящие из подлежащего, как говорится в последнем университетском учебнике, необоснованно. Это все тот же устарелый морфологический подход. Предложения, состоящего из подлежащего, не может быть. В природе вещей невозможно настроение ничье, действие ничье и беспредикатные сообщения. И односоставное предложение заключает в себе сообщение, утверждение, приписывание предикативного признака - чему? Если не названной, то ясной из контекста действительности, времени и месту, в котором находится или воображает себя, либо персонажа, говорящий. Это подразумеваемые *Здесь* и *Сейчас*, очевидные из контекста носители названных в предложении предикативных характеристик.

Смеркается, Морозно, Тишина, Шопот, робкое дыхание, Вечереет, Пахнет парным молоком - это все предикативные признаки воспринимаемого автором окружающего его мира, среды, места, времени. Признака без носителя, без характеризуемого этим признаком предмета, лица, явления, среды не бывает. Незазванность носителя в описаниях обычна, потому что избыточной могла быть названность. Можно считать их формально неполными, но не односоставными.

То же упорное непризнание права имен в косвенных падежах на роль подлежащего обесмысливающе представляет носителей, субъектов предикативного состояния как “дополнения” к состоянию и в других, нормально двусоставных моделях предложения. А подлежащими, субъектами - носителями предикативного признака могут быть имена существительные и местоимения во всех падежах: Он нездоров, простужен; У него ревматизм; Ей нездоровится; Больную знобит; С хозяйкой обморок; В душе тревога и т. п.

См. литературные примеры: *Ему* и больно и смешно (Пушкин); *Пред ними* лес (Пушкин); *Мелева* много, да помолу нет (посл.): Ожидаемой *помощи* не приходило (Пушкин); *У старушки* три сына (Ершов); *Вам* не видать таких сражений (Лермонтов); *Вот я не сплю, у меня* бессонница (Чехов); *Кроме этого дома, за Маней* деньгами тысяч двадцать (Чехов); *Над Невской башней* тишина (Блок); *На*

странице было много брызг от чернил (Паустовский); *С продовольствием* было совсем плохо (А.Голстой); *Жалости в вас нету* (Л.Леонов); *В лесу* молчанье, тишина... (Пастернак); *Вас лихорадит, сядьте у камина* (Б.Ахмадушина); *Мне тоже - нет-нет и захочется прочь: В какую-то бурю, в какую-то ночь* (Н.Матвеева) и мн. др.

Увлекаясь построением геометрических проекций синтаксических структур, некоторые авторы учебников бездумно употребляют привычные термины, не приучая и своих читателей соотносить их значение с языковыми реалиями.

Понятия *действие* и *деятель* используются применительно к предикатам и субъектам разной семантики, часто вовсе и не действительной.

Сложившийся ритуал “разбора предложения” начинается с вопросов *кто, что?* - в поисках подлежащего и *что делает?* - в поисках сказуемого. Входит в учебные и методические тексты именование сказуемого *действием*, а подлежащего *деятелем*. Авторов не смущает, что значение *действия* предполагает активное, волевое начало, а *деятелем* становится тот, кто проявляет действительную активность при участии разума (если не считать еще более уважительного употребления этого слова). Вот и узнаём, что пример из Бунина: *И сосны, как хоругви, замерли под глубоким снегом*, - содержит сообщение о “деятеле” и “действии”, в предложении: *Что-то гудит в трубе*, — “деятель” -неопределенное *что-то*; в предложении: *Саше не спится*, - “действие” изображается как независимое от “деятеля”; в стихотворных строках: *Что, дремучий лес, Призадумался, Грустью темною Затуманился?* — “деятелем” является *лес*.

Немало и текстов, и фрагментов текста с участием глаголов, но тем не менее без деятелей и действий: глаголы по семантике многообразны, обозначать действие - их главная роль, но не единственная. Например:

*...А в старом палисаднике темно,
Свежо и сладко пахнет можжевелник,
И сонно, сонно светится сквозь ельник
Серпа замысловатое пятно.
(Бунин)*

И еще:

*Итак, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная, боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
(Пушкин)*

И уж совсем “с ног на голову” перевернута языковая реальность в строгом указании автора “Краткой практической грамматики русского языка” 1987 года: “Не следует считать глаголами такие слова, как *сон, бег, езда, занятие, улыбка* к под., поскольку их значением является значение предмета в обобщенном смысле, а действие выступает лишь как основа для называния предмета” (с. 25). Автор, безусловно, прав в том, что приведенные слова -имена существительные, но имена отглагольные, и потому сохраняющие значение действия, состояния и уж никак не предмета. Произошло смешение в этом высказывании морфологических признаков слов и их семантико-синтаксической природы.

Поэт вправе “одушевлять” неживые предметы в своих метафорах и сравнениях, это его работа и забота, дело же филолога, лингвиста, учителя - постигать и объяснять, если нужно, точными словами, поэтические возможности использования выразительных средств. Есть семантические условия употребления, сочетания тех или иных категорий слов, соблюдаемые носителями языка интуитивно, хотя и не вошедшие в грамматики. В том же соотношении “действия” и “деятели”: активные, осмысленные действия свойственно совершать людям, какие-то из них совершаются животными, в меру их разума и инстинкта. Но неодушевленные предметы могут быть только объектом, материалом, либо орудием человеческих действий, и никак не деятелями.

Язык сформировался и живет не ради морфологической системы. Морфология - служанка семантики. Преподавание, изучение, знание языка будет результативнее, если мы, освободившись от заморфологизованных учебных штампов, станем глубже вникать в смыслы нашей речи и наших научных терминов.